

Теологический вопрос в философской перспективе: теория лжи Н. А. Бердяева

Е. Е. Несмеянов

Донской государственный технический университет,
Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Для цитирования: Несмеянов Е. Е. Теологический вопрос в философской перспективе: теория лжи Н. А. Бердяева // Вопросы теологии. 2020. Т. 2, № 3. С. 471–479. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2020.306>

В статье рассмотрена концепция лжи, сложившаяся в творчестве Н. А. Бердяева в первой половине XX в. В центре его внимания находится социально организованная ложь. В середине XX в. возникают новые теоретические представления о необходимости, правомерности и даже ценности лжи. Ложь объявляется нормой европейской культуры, неизбежным компонентом экономической, политической и научной практики, важнейшей составляющей обыденной и семейной жизни людей. Критикуя эти представления, Н. А. Бердяев выдвигает ряд контраргументов, работающих как в его время, так и в начале XXI в., что делает данную статью актуальной. Принципиальная оригинальность исследования лжи русским философом состоит в изменении основной причины возникновения феномена: от личностных морально-психологических особенностей человека он переходит к онтологическим основаниям. Н. А. Бердяев выстраивает философско-религиозную теорию «трагической теодицеи», связывая происхождение свободной воли человека (в том числе свободы лгать) с особенностями происхождения Космоса из двух источников: из воли Бога и из добровольного согласия стать бытием некоего первоначала — «Меона», «Бездны», «Безосновности» (свобода воли человека — не дар Бога). Свобода поступка человека возникает раньше самого поступка, ее корни заключаются в Меоне. Именно по этой причине невозможно возложить на Бога ответственность за космические катастрофы и за иррациональное, деструктивное поведение человека. Бог — всеблагодетель, но не всемогущий, и предотвратить негативные следствия свободы воли человека Он не может. Ложь во всемирном масштабе — «Ложь мира», порождающая чудовищные последствия, и создающая «изолганное бытие», связана с Меоном и производится людьми. Предлагаемая статья направлена на то, чтобы привлечь внимание научной общественности к творческому наследию Н. А. Бердяева.

Ключевые слова: Меон, Бездна, изолганное бытие, ложь мира, социальная ложь, условная ложь, вежливость, добродетельная ложь, истина, вера, Евангелие, Августин Блаженный, Иммануил Кант, Николай Бердяев.

-
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2020
 - © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2020

Теоретический интерес Н. А. Бердяева к проблеме лжи изначально был вызван общественно-политическими искажениями марксизма русской интеллигенцией начала XX в. В статье «Философская истина и интеллигентская правда», вошедшей в сборник «Вехи» (1909), философ обращает внимание на «интересы теоретической мысли <...> марксистской интеллигенции, воспринимающей критику чистого опыта Авенариуса <...> так, как это оказалось выгодным для оправдания материалистического понимания истории. <...> Многие, вероятно, искренне думают, что Авенариус был умнейшим большевиком»¹.

Приведя этот пример модернизации (скорее, искажения) философской теории для решения практических, политических задач, Бердяев делает вывод о «принижении теоретической мысли», которое выражается в стремлении ставить вопросы политической борьбы выше истин науки. «Политическая сиюминутность», а фактически «политическая ложь <...> самоуверенно утверждает себя истиной»². Похоже, что именно здесь начинается внимание Николая Александровича к формам проявления социальной лжи в европейском обществе. Начиная с этого времени и до конца 1940-х годов в его трудах рассматриваются различные аспекты феномена лжи. Вводится ряд понятий для уточнения различных форм проявления лжи в европейской культуре: полезная ложь, условная ложь, ложь в науке, ложь мира, внутренняя сокровенная ложь, изолганное бытие и др.

Первоначально в центре внимания русского мыслителя оказалось исследование политической лжи. Политик может оправдать любую ложь ради достижения власти. Можно и нужно использовать любые факты, игнорировать научные истины, если это необходимо для захвата и удержания власти. Новация XX в. заключается в том, что «полезная ложь» воспринимается как долг перед партией и соратниками по политической борьбе. Бердяев отмечает, что к такому выводу одним из первых приходит Фредерик Полан, связывая психологические способности человека к обману и самообману с социальными тенденциями общества. Ф. Полан считал оправданным принятие человеком лжи, если эта ложь прагматична и может быть «полезна для завоевания жизни и для организации силы в этом мире»³. Научные идеи Ф. Полана Николай Александрович оценивает высоко: «Ложь полезна для завоевывания жизни и для организации силы в этом мире <...> это, в сущности и говорит Полан, единственный мыслитель, обративший серьезное внимание на проблему лжи»⁴. Отмеченное у Полана соответствие лжи «социальным тенденциям» общества Бердяев называет социально-организованной ложью и «максимальной»

¹ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: сборник статей о русской революции. М.: Правда, 1991. С. 24.

² Там же.

³ Бердяев Н. А. Парадокс лжи // Современные записки. № LXIX. Париж, 1939. С. 275. URL: http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1939lozh.html (дата обращения 30.04.2020).

⁴ Там же.

ложью, выступающей основой всей европейской цивилизации «в ее обыденном существовании, порождением ее страхов и заботы»⁵.

В статье «Парадокс лжи», вышедшей в 1939 г., русский философ формулирует основные параметры «социальной лжи», ее сущность и значимость, «неискоренимость и парадоксальность», ее границы и возможности духовного преодоления лжи в европейской культуре. Отметив, что многовековая европейская традиция отвергала ценность лжи, Бердяев показывает особенности политической культуры XX в., оправдывающей ложь, если она связана с достижением успехов или с обещаниями будущих благ для определенных страт общества. По мнению Бердяева, ложь присутствует как обязательная составляющая современной политической жизни во всех европейских странах без исключения. Борьба за обладание государственной властью и ее сохранение, за «самосохранение социальных группировок <...> требует <...> условной, социально полезной лжи, как необходимого условия. <...> Социальное накопление лжи превращается в социальную норму»⁶. В государстве, экономике, искусстве, семье и даже в религии социально полезная ложь «нравственно оправданная и превращенная в добро, порождена утилитаризмом»⁷. Поэтому ложь уже не вызывает морального отторжения личностью; существующие монархии, парламентские республики, новые для XX в. пролетарские и социал-националистические государства, партии, школы, направления «ложью проникнуть»⁸. «Социальное бытие» обществ европейской культуры и цивилизации есть неустрашимый источник лжи. Именно поэтому Н. А. Бердяев определяет социальную ложь как «ложь мира». Реальный мир проникнут ложью, ложь лежит в основании мира, и мы не можем от нее отказаться. В этом и состоит трагедия современного человека, считает философ. Человек живет «по лжи», но чувствует необходимость преодоления лжи духовным усилием. Как это сделать? Для начала, считает Бердяев, надо теоретически обосновать и показать возможности и пути духовного преодоления лжи, которая выступает как «новая правда» жизни, как гражданский и даже морально-религиозный долг личности. Однако «братство людей во лжи» — это парадокс. Ложь не может иметь генетической связи с истиной и добром. Братство людей может состояться только в истине, в любви и в Боге.

Как возник «парадокс лжи»? Какова схема рассуждений европейских мыслителей, которая привела к его возникновению? Н. А. Бердяев разворачивает эту схему. Она начинается с признания лжи «скрепляющей» силой социальных институтов (что несомненно). Затем делается вывод о необходимости лжи в любом общественном явлении или процессе. Отсюда заключают, что ложь — не всегда грех и порок личности. Полезная ложь

⁵ Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 147.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ Там же. С. 148.

может служить во благо человеку и человечеству в целом. В определенных условиях «ложь во благо» должна рассматриваться как долг гражданина.

Следующий элемент схемы — определение «коллективной совести» (народа, нации, класса, партии, группы) как явления, стоящего неизмеримо выше совести отдельного человека. Поэтому то, что коллективная совесть признает правдой или ложью, «ею и является <...> хотя бы это противоречило самой ясной очевидности»⁹. В такой культуре истина может отвергаться как разрушительная для существования государства или других институтов, (армии, экономики, семьи и т. д.), она может помешать благу нации или класса. В таких случаях ложь полезнее и предпочтительнее истины. Бердяев собирает все эти аргументы в коротком парадоксе: «Ложь есть истина»¹⁰.

Способно ли развитие науки помочь преодолению лжи в обществе? Николай Александрович сомневается в этом. Роль науки и научных истин велика в европейской культуре. Но в XX в. наука пытается встать на место религии и возникает феномен «вероисповедания научности»¹¹. Современник Бердяева нобелевский лауреат Вильгельм Оствальд неоднократно заявлял о том, что надежды человечества, адресованные Богу, теперь обращены к науке. С XIX в. наука постепенно занимает место, которое раньше принадлежало Богу. Это означало, что наука претендует решать проблемы морали, искусства, религии, смысла жизни человечества. Такую позицию многих ученых русский мыслитель знает и резко отвергает, выдвигая оригинальное и убедительное соображение о невозможности заменить Бога наукой. Суть в том, что сама европейская наука и ее носители находятся в сфере социально полезной лжи: «Высокоученые творцы науки не свободны от предвзятых суждений условной лжи <...> испытывают суеверный страх перед наукой и являются сплошь и рядом ее рабами, а не господами»¹². Но ведь наука изучает законы реального бытия, законы физического мира, существующие вечно и неизменно, независимо от воли человека или неких сверхъестественных сил. Именно здесь, в «онтологии» — философском учении о бытии, — и разворачивает Н. А. Бердяев свою концепцию «онтологической» лжи.

Ложь предстает как космическая сила, или «изолганное бытие», и феномен этот связан с происхождением человеческой свободы, позволяющей выбирать истину и добро или ложь и зло. Бердяев предлагает концепцию, расходящуюся с учением Отцов церкви о даровании Богом свободной воли человеку. Рассуждение Августина Блаженного о том, что причиной зла может быть только человек, использующий божий дар — свободу — для выбора зла, неприемлемо для русского философа. Если Бог — всеблагое и всемогущее существо и, следовательно, способен предвидеть последствия дарования свободы человеку для выбора зла, то возникает известное со времен средневековой схоластики противоречие: либо Бог —

⁹ Бердяев Н. А. О назначении человека. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же.

не всеблагой, либо — не всемогущий. В своем учении о «трагической теодицее» Николай Александрович разрешает это противоречие в пользу признания Бога источником исключительно положительных ценностей¹³. Бог есть любовь, добро, истина, порядок и гармония, но не всемогущее существо. Свобода как космическое, онтологическое явление существует раньше свободы человека, «раньше его свободного поступка». Бог творит мир из некой «непостижимой первореальности» (в терминах Бердяева — «Меон», или «Бездна»). Эта «первореальность», или «безосновность» (*ungrund*), свободно согласилась стать бытием. «Меон» и есть источник свободы, независимой от Бога. Тогда становится понятным, как существует зло, не зависящее от человека (например, природные катастрофы, эпидемии и пр.). В этом состоит «трагедия Бога», считает Н. А. Бердяев. Но Бог побеждает «злую свободу» через самопожертвование на кресте. Искупая грехи человечества, Иисус Христос не только спасает нас, но и указывает путь добра и любви. Свобода у человека остается, но теперь он видит путь, указанный Спасителем, чего не было ранее.

Истинная свобода человека понимается как свобода следовать учению Христа — «свободе добра». Верующий христианин может отвергнуть «ложь мира», он видит путь добра. Несмотря на то что повседневный мир преисполнен зла и лжи, человек способен к духовному возвышению и принятию высших ценностей христианской веры, воплощенных в Христе. Личность верующего христианина — уже не продукт «изолгавшегося социума», а продукт «силы Божией». Совесть христианина, его внутренняя свобода позволяют противостоять «изолганному бытию» с его ложью и несправедливостью.

Таким образом, Н. А. Бердяев выводит проблему лжи за рамки психологии человека и особенностей социальной жизни европейского общества. Проблема лжи становится онтологической и теологической. Появляется возможность иного (чем у Августина Блаженного и Фомы Аквинского) подхода к пониманию человеческой деструктивности, причин иррациональности поступков, в том числе склонности ко лжи. Ложь остается злом и грехом, но появляется возможность переосмыслить теорию «добродетельной лжи» И. Канта, что и делает русский мыслитель.

В этической концепции И. Канта проблема лжи занимает значительное место. Учение Канта о «добродетельной лжи» широко известно и в рамках настоящей статьи не нуждается в расширенном комментарии. Для немецкого гения никакая ложь не может быть морально оправданна, даже если это ложь во имя спасения жизни человека. Ложь — всегда ложь, с какими бы благими намерениями она ни осуществлялась¹⁴.

¹³ Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. Гл. V. С. 233–240, 288–296.

¹⁴ См., напр.: Кант И.: 1) О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 232–237; 2) О педагогике // Там же. С. 445–504; 3) Лекции по этике (1775–1781). М.: Наука, 2000.

Новация Н. А. Бердяева, критикующего позицию И. Канта, заключалась в новой постановке проблемы «добродетельной лжи» как проблемы онтологической, а не «нормативно-законнической», каковой она предстает у Канта.

Бердяев выделяет «добродетельную ложь» из массива «социально организованной лжи» и называет это явление «ложью из сострадания», или «невинной условной ложью». Идею Канта Бердяев отвергает как ущербную, относящуюся к «этике закона», которая интересуется только тем, исполнит его личность или нет»¹⁵. Законнический педантизм Канта связан с сущностью «этики закона», от которой «всегда ускользает конкретное и индивидуальное. Всякая этика закона должна признать, что отвлеченное добро выше конкретного индивидуального человека <...> Морализм этот безнравствен». Такое учение искажает христианскую этику и ведет к фарисейству¹⁶. Нельзя осуждать человека, который солгал в определенной ситуации, спасая жизнь другого человека. Правдивость не означает формализма и педантизма. Нравственный акт человека всегда творчески индивидуален и совершается ради конкретного случая жизни, единичного и неповторимого. По своей сути «добродетельная ложь» служит добру. Напротив, высказанная правда, погубившая жизнь человека, не может быть добром. Поэтому для Бердяева «добродетельная ложь» как бы «выламывается» из «лжи мира», она является исключением и не входит в состав социально организованной лжи, будучи ситуативной. Добродетельная ложь, которая противостоит мировому злу и, шире, «Меону», относится к «свободе выбора».

Такой «онтологический подход» к изучению кантовской теории «добродетельной лжи», несомненно, оригинален в истории философии и заслуживает внимания.

Другая новация Н. А. Бердяева тоже связана с его методологией исследования лжи и относится к феномену вежливости в европейской культуре. Вежливость выступает как разновидность социальной лжи, как «символически условное выражение уважения ко всякому человеку»¹⁷. Каково же содержание этого символа? «Человеку предписывается действовать так, будто бы он уважает и любит, хотя в действительности он презирает и ненавидит»¹⁸. Вежливость относится к «символической этике», близкой «этике закона»; она отвергает «правдолюбие», но играет важнейшую роль в европейской культуре как «форма организации жизни человека, человеческих масс <...> социальной обыденности»¹⁹. Вежливость противоречива, она может оказаться злом или благом для жизни человека, его индивидуальной судьбы. В конечном счете вежливость выступает формой социально полезной лжи и относится к «изолганному бытию». В целом для

¹⁵ Бердяев Н. А. О назначении человека. С. 149.

¹⁶ Бердяев Н. А. Парадокс лжи. С. 271.

¹⁷ Бердяев Н. А. О назначении человека. С. 213.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 87, 91.

Бердяева вежливость среди других форм лжи существенно ниже «добродетельной лжи». Если «ложь из сострадания» «добродетельна», связана с добром, христианскими ценностями и любовью к человеку, то вежливость относится к «изолганному бытию», «несправедливости» и «мировому злу» с его злой свободой — к «Меону».

В итоге Н. А. Бердяеву удалось создать оригинальную иерархию проявлений лжи, оттолкнувшись от ценностей Евангелия и учения Отцов церкви как критерия оценки форм лжи. Эта иерархия выглядит следующим образом: «Абсолютная ложь» (она же «Ложь Мира») — «изолганное бытие», имеющее своим источником злую свободу Меона или Хаоса. Здесь нет и не может быть позитивных ценностей Евангелия и никакой связи с Богом.

Ниже находится «социальная ложь», или «социально организованная ложь», она же — «максимальная». Она включает разные направления: ложь государства, нации, партии, науки, семьи, искусства, церкви. Здесь есть положительные моменты, связанные с организацией общественной жизни во всех ее проявлениях. Бердяев видит в этой форме лжи элементы пользы для человечества и допускает частичное оправдание «полезной лжи и насилия».

Разновидностью социальной лжи философ называет ее личностные, психологические проявления: сознательная и бессознательная ложь, внутренняя сокровенная лживость, ложь другим, ложь себе и др. Здесь в отдельных случаях наблюдается связь с ценностями Евангелия и желание приблизиться к истине, долгу, любви, вере. Иногда такое желание возникает интуитивно.

Несколько ближе к христианским ценностям стоит «условная ложь — вежливость». Здесь открывается возможность проявления добра и любви к человеку, носящая не системный, а эпизодический характер.

И наконец, ложь только по названию — «добродетельная ложь», она же «ложь из сострадания» и «ложь как средство достижения добра». Этот феномен направлен на добро и выражает ценности Евангелия. Не будучи «по сути грехом», «добродетельная ложь» выступает грехом по форме своего существования. Такое несовпадение формы и содержания «добродетельной лжи» не позволяет Бердяеву отнести «ложь из сострадания» к «Благу» во всей его полноте. Никакая ложь не сходила с уст Спасителя, в том числе «добродетельная ложь». И если мы рассматриваем личность Иисуса Христа как образец поведения верующего христианина и Благо в высшей степени его проявления, то необходимо принять во внимание этот весомый аргумент.

В итоге Н. А. Бердяев создает оригинальную типологию лжи, которая будет востребована в дальнейших трудах русских религиозных и светских философов и культурологов.

Статья поступила в редакцию 2 июня 2020 г.
Статья рекомендована к печати 21 июля 2020 г.

Информация об авторе:

Несмеянов Евгений Ефимович — д-р филос. наук, проф.; nesmeyanoff.e@yandex.ru

Theological question in a philosophical perspective: Nikolai Berdyaev's theory of a lie

E. E. Nesmeyanov

Don State Technical University,
1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation

For citation: Nesmeyanov E. E. Theological question in a philosophical perspective: Nikolai Berdyaev's theory of a lie. *Issues of Theology*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 471–479. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2020.306> (In Russian)

The article considers the conception of a lie established in the work of Nikolai Berdyaev during the first half of the 20th century. The socially organized lie was at the center Berdyaev's attention. In the middle of the 20th century, new theoretical perceptions of necessity, legality and even value of a lie emerge. A lie is declared to be a norm of European culture, an inevitable component of economic, political and scientific practice, an essential component of people's ordinary and family life. Criticizing these ideas, Berdyaev puts forward a number of counterarguments relevant both during his time and at the beginning of the 21st century, which makes this article significant. The fundamental originality of the study of a lie by the Russian philosopher consists in changing the main cause of the phenomenon, from the personal moral and psychological characteristics of a person to the ontological cause. Berdyaev creates a philosophical-religious theory of "Tragic theodicy", where he links the origin of the free will of a person (including the freedom to lie) with the peculiarities of the origin of Space from two sources. These sources are the will of God and from voluntary consent to become the existence of some primordial — "Meon (abyss)", "Abyss", "Baselessness": human free will is not a gift from God. A person's freedom to act comes before the act itself, its roots are in Meon. For this reason, it is impossible to make God responsible for cosmic disasters and for the irrational destructive behavior of man. God is all-merciful, but not almighty, and He cannot prevent the negative consequences of a person's free will. A lie on a worldwide scale is "a lie of the world", which produces horrendous consequences and creates "a false existence", it is related to Meon and it is produced by people. The article is intended to attract the attention of the scientific community to the creative heritage of Nikolai Berdyaev.

Keywords: Meon, Abyss, a false existence, a lie of the world, a social lie, a conditional lie, courtesy, a virtuous lie, Truth, Faith, Gospel, Saint Augustine, Immanuel Kant, Nikolai Berdyaev.

References

- Berdyaev N. A. (1991) "Philosophical truth and intellectual truth", in *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii. Iz glubiny: sbornik statei o russkoi revoliutsii*, pp. 11–30. Moscow, Pravda Publ. (In Russian)
- Berdyaev N. A. (1939) "Paradox of a lie", in *Sovremennye zapiski*, no. LXIX. Paris, pp. 272–279. Available at: http://yakov.works/library/02_b/berdyaev/1939lozh.html (accessed: 30.04.2020).
- Berdyaev N. A. (1993) "About the purpose of a person. Experience of paradoxical ethics", in *Berdyaev N. A. O naznachenii cheloveka*, pp. 20–252. Moscow, Respublika Publ. (In Russian)

- Berdyayev N. A. (1995) “Experience of eschatological metaphysics. Creativity and objectivity”, in *Berdyayev N. A. Tsarstvo dukha i tsarstvo kesaria.*, pp. 264–286. Moscow, Respublika Publ. (In Russian)
- Kant I. (1980) “About the imaginary right to lie out of humanity”, in *Kant I. Traktaty i pis'ma*, pp. 232–237. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Kant I. (1980) “About pedagogy”, in *Kant I. Traktaty i pis'ma*, pp. 445–504. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Kant I. (2000) *Lectures on Ethics (1775–1781)*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)

Received: June 2, 2020

Accepted: July 21, 2020

Author's information:

Evgenii E. Nesmeyanov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor;
nesmeyanoff.e@yandex.ru